

ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ЮЖНОЙ КОРЕИ В СТРАНЫ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Нуржан
ДЕМЕУОВ*

докторант, НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева», Астана, Казахстан, nurzhan.demeuov.98@bk.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8189-8841>

Ajay Kumar
PATNAIK

профессор Университета Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия, patnaik.ajay@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0651-5457>, Scopus Author ID: 56173847400

Ардак
ЕСДАУЛЕТОВА

докторант, НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева», Астана, Казахстан, nurzhan.demeuov.98@bk.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8189-8841>

Дата поступления рукописи в редакцию: 02/10/2023

DOI: 10.52123/1994-2370-2023-1106

УДК 339.92

МРНТИ 11.25.15

Аннотация. Поскольку Новая Северная политика была объявлена одним из 100 государственных дел в 2017 году, роль стран Содружества Независимых Государств (СНГ) в будущем экономическом росте Южной Кореи (поскольку диверсификация зарубежных партнерств сильно перекошена в сторону США и Китая) в последнее время стала ключевой. Однако прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Южной Кореи в страны СНГ остаются незначительными из-за неэффективной политики. Кроме того, хотя экономическое сотрудничество между Южной Кореей и странами СНГ (особенно Россией из-за Новой Восточной политики) становится все более важным, никакие предыдущие исследования не изучали южнокорейские ПИИ в странах СНГ. В этом отношении данное исследование вносит свой вклад, анализируя факторы размещения южнокорейских ПИИ в трех странах СНГ, а именно в Казахстане, России и Узбекистане, на основе данных за 2010–2022 годы.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, инвестиционная политика государств, международные отношения, Южная Корея, Содружество Независимых Государств.

Аңдатпа. Жаңа Солтүстік саясат 2017 жылы 100 мемлекеттік істің бірі болып жарияланғандықтан, Оңтүстік Кореяның болашақ экономикалық өсуіндегі Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (ТМД) елдерінің рөлі (шетелдік серіктестіктерді әртараптандыру АҚШ пен Қытайға қатты бұрмаланғандықтан) соңғы кездері маңызды болды. Алайда, Оңтүстік Кореяның ТМД елдеріне тікелей шетелдік инвестициялары (ТШИ) тиімсіз саясатқа байланысты шамалы болып қала береді. Сонымен қатар, Оңтүстік Корея мен ТМД елдері арасындағы экономикалық ынтымақтастық (әсіресе Жаңа Шығыс саясатына байланысты Ресей) барған сайын маңызды бола бастағанымен, алдыңғы зерттеулер ТМД елдеріндегі Оңтүстік Кореяның ТШИ-ін зерттеген жоқ. Осыған байланысты бұл зерттеу 2010-2022 жылдардағы деректер негізінде ТМД-ның үш елінде, атап айтқанда Қазақстанда, Ресейде және Өзбекстанда Оңтүстік Кореяның ТШИ орналастыру факторларын талдай отырып, өз үлесін қосады.

Түйін сөздер: тікелей шетелдік инвестициялар, мемлекеттердің инвестициялық саясаты, халықаралық қатынастар, Оңтүстік Корея, Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы.

Abstract. Since the New North Policy was declared one of the 100 state affairs in 2017, the role of the Commonwealth of Independent States (CIS) countries in the future economic growth of South Korea (since the diversification of foreign partnerships is heavily skewed towards the United States and China) has recently become key. However, due to ineffective policies, South Korea's foreign direct investment (FDI) in the CIS countries remains insignificant. In addition, although economic cooperation between South Korea and CIS countries (especially Russia due to the New Eastern Policy) is becoming increasingly important, no previous studies have examined South Korean FDI in CIS countries. This study contributes by analyzing the factors of South Korean FDI placement in three CIS countries, namely Kazakhstan, Russia, and Uzbekistan, based on data for 2010-2022.

Keywords: foreign direct investment, investment policy of states, international relations, South Korea, Commonwealth of Independent States.

Введение

* Автор для корреспонденции: Н. Демеуов, nurzhan.demeuov.98@bk.ru

За десятилетия современного экономического развития многочисленные академические исследования показали положительное влияние прямых иностранных инвестиций (ПИИ) как на принимающие страны, так и на страны-инвесторы [1, 2, 3]. Многие из этих исследований показывают, что транснациональные компании (ТНК) могут извлечь выгоду из эффективности производства, конкурентных преимуществ и доступа к местным производственным факторам за счет ПИИ. Высокий уровень притока ПИИ также часто способствовал экономическому росту принимающих стран за счет передачи новых технологий, повышения производительности, модернизации производственных мощностей и интеграции мировой экономики.

Эти последствия особенно важны для таких экономик, как Южная Корея, поскольку конкурентоспособность ТНК в значительной степени зависит от использования географических

преимуществ других стран для преодоления высоких внутренних производственных издержек и насыщения внутреннего рынка. Конкуренция и ограниченность внутренних рынков подталкивают южнокорейские ТНК к участию в процессах глобализации, уделяя особое внимание иностранным инвестициям. Эта модель началась в 1968 году с первых иностранных инвестиций KODECO в горнодобывающий сектор Индонезии, и с тех пор Южная Корея стала девятой страной с наибольшим объемом инвестиций [4]. Как показано на рисунке 1, за исключением двух периодов затишья во время мирового финансового кризиса (2014 г.) и пандемии COVID-19 (2020), вывоз ПИИ из Южной Кореи рос из года в год, превысив 20 млрд.долл.США в 2010 году, 30 млрд.долл.США в 2013 году, 40 млрд.долл.США в 2016 году, 50 млрд.долл.США в 2018 году, 60 млрд.долл.США в 2019 году, 70 млрд. долл. США в 2021 году, 80 млрд. долл. США в 2022 году.

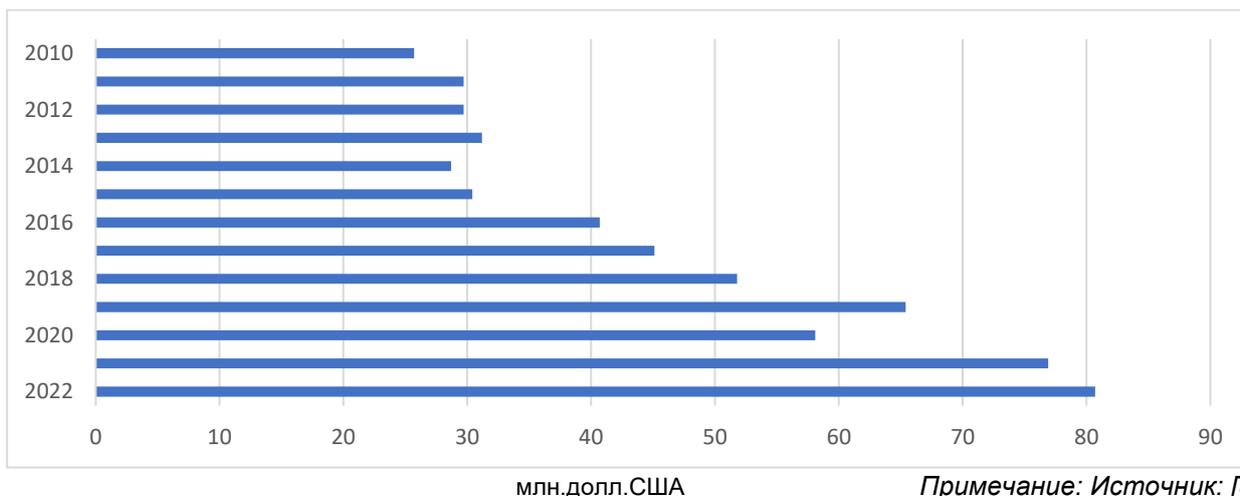

Рисунок 1 - Ежегодный вывоз ПИИ из Южной Кореи

Однако это заметное развитие сопровождается значительным перекосом в направлениях иностранных инвестиций. ПИИ из Южной Кореи в основном сосредоточены всего в нескольких странах: США (24%), Каймановых островах (13%), Китае (9%), Вьетнаме (7%) и Сингапуре (5%). Это не вызывало особого беспокойства в последнее десятилетие, поскольку экономика Южной Кореи росла в среднем на 3% в 2014–2022 годах, а ее доход на душу населения превысил 32 200 долларов США в 2022 году. Однако в разгар глобальной

экономической нестабильности высокая зависимость от нескольких стран делает южнокорейскую экономику неустойчивой к их решениям и проблемам (например, торговая война между США и Китаем в 2018 году). Это говорит о том, что Южной Корее следует незамедлительно изменить свою политику, чтобы диверсифицировать зарубежные партнерства, чтобы иметь либо новые возможности для роста, либо более стабильное положение во время глобального экономического спада [6]. В 2017 году правительство Moon Jae-In

представило две новые внешние политики, а именно Новую Южную политику и Новую Северную политику. Новая Южная политика направлена на укрепление партнерских отношений с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Индией. Монголия и три северные провинции Китая (Liaoning, Jilin and Heilongjiang) являются объектами Новой Северной политики наряду со странами СНГ [7].

«Сеул пытается диверсифицировать свои торгово-экономические маршруты, соединив Южную Корею с континентальной частью Евразии. Именно диверсификация торговых партнёров является актуальной задачей не только для Республики Корея, но и для государств Центральной Азии, что подталкивает их к практическому сотрудничеству. В силу этого целью Форума «Центральная Азия — Республика Корея» стало построение отношений по всеобъемлющему сотрудничеству между Кореей и пятью центральноазиатскими странами. Форум имеет устойчивую динамику, ежегодно страны-участницы собираются для обсуждения насущных вопросов развития государств ЦА. Спектр вопросов разнообразен и связан с решением проблем развития и сотрудничества. На фоне региональной модели сотрудничества, которую развивает Корея во взаимодействии с центральноазиатскими государствами, двусторонние отношения РК с этими же игроками выглядят крайне асимметричными и разбалансированными. Без сомнения, это связано с большей или меньшей привлекательностью ресурсной базы того или иного государства и возможностями промышленного развития этих стран. Не меньшую роль играют исторические связи и влияние корейской общины в отдельных странах Центральной Азии, особенно в Узбекистане и Казахстане» [8].

Страны СНГ с переходной экономикой в значительной степени открыли свою экономику с 1990-х годов, чтобы привлечь иностранных инвесторов с помощью различных мер, благоприятствующих инвестициям. В 2022 году 0,13% мировых ПИИ было направлено в страны с переходной экономикой. В частности, Россия была 20-

й страной-получателем ПИИ в мире. Являясь ведущей экономикой стран СНГ, Россия последовательно стремится к налаживанию новых партнерских отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона для преодоления экономической стагнации, вызванной западными санкциями, падением цен на нефть и национальной валюты (рубля), а также ее промышленной структуры, основанной на экспорте энергоресурсов. С 2012 года Россия внедрила Новую Восточную политику и внедрила практические механизмы политики для развития российского Дальнего Востока и снижения зависимости от европейской экономики за счет привлечения иностранных инвестиций из соседних стран Восточной Азии (в основном из Китая, Южной Кореи и Японии). Это свидетельствует о том, что Россия больше, чем когда-либо, нуждается в южнокорейских инвестициях. Активизация южнокорейских инвестиций в крупнейшую экономику стран СНГ и Евразийского экономического союза может способствовать расширению бизнеса в другие страны СНГ [9].

Поэтому, учитывая эти экономические и политические обстоятельства, укрепление евразийских экономических связей между Южной Кореей и странами СНГ стало важнейшей повесткой дня. Учитывая вышеизложенное, определение факторов размещения южнокорейских ПИИ в странах СНГ помогло бы повысить эффективность дальнейшей реализации политики правительствами Южной Кореи и принимающих стран СНГ. Кроме того, это исследование вносит свой вклад в литературу, расширяя существующие исследования южнокорейских внешних ПИИ, исследуя неисследованный случай.

Материалы и методы

Используются систематические методы при обзоре научных публикаций, которые обеспечивают надежные результаты, на основе которых делаются выводы.

Эмпирический анализ проводится на основе статистических данных с 2010 по 2022 год. Среди стран СНГ мы выбрали Казахстан, Россия и Узбекистан, так как страны постоянно получали

южнокорейские ПИИ в течение периода исследования и располагали соответствующими данными необходимого качества и истории.

Далее рассмотрена динамика южнокорейских ПИИ в странах СНГ, мотивы Южной Кореи как страны-инвестора ПИИ, факторы местоположения стран СНГ как принимающих ПИИ, сбор данных и гипотез, эмпирические результаты и обсуждение. Наконец, мы представляем выводы и последствия для политики.

Результаты

Южнокорейские ПИИ в страны СНГ начались в 1990 году (в Россию 19 млн.долл.США) и распространились на Казахстан (0,5 млн.долл.США) и Узбекистан (15 млн.долл.США) в 1991 и 1993 годах соответственно. Инвестиции достигли 520,0 млн.долл.США в 2010 году (что составляет 2,03% всех вывозимых ПИИ Южной Кореи), но впоследствии уменьшились (таблица 1).

Таблица 1 - Динамика южнокорейских ПИИ в странах СНГ

Страна	Год												
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Армения	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Казахстан	130	114	229	179	160	70	22	7	15	24	16	11	3
Таджикистан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Азербайджан	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Кыргызстан	12	3	2	4	3	2	1	2	3	3	0	2	11
Беларусь	0	0	0	0	14	0	0	0	0	0	0	0	0
Молдова	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Украина	0	0	0	0	0	0	47	0	вышла из состава СНГ				
Россия	337	101	109	122	116	178	93	82	95	99	105	130	59
Узбекистан	41	55	32	13	12	15	27	8	18	35	19	27	23
всего	520	274	372	318	305	296	222	142	201	178	148	179	102
% от общего V инвестиций	2,03	0,92	1,25	1,02	1,06	0,97	0,55	0,31	0,39	0,27	0,25	0,23	0,13

Источник: [5]

Однако, несмотря на растущую политическую значимость, южнокорейские ПИИ в страны СНГ по-прежнему остаются небольшими: в 2010–2022 гг. в эти страны было направлено в среднем только 0,55% всех южнокорейских ПИИ, и только Казахстан, Россия и Узбекистан стабильно получали южнокорейские ПИИ с 1993 года. А такие страны как Молдова, Армения и Беларусь получили разовую инвестицию в 2021, 2017, 2014 годах соответственно. Азербайджан, Грузия, Таджикистан и Украина также не смогли стабильно получать ПИИ из Южной Кореи.

Далее сравниваем южнокорейские ПИИ в Казахстане, России и Узбекистане с ПИИ других стран БРИК (Бразилии, России, Индии и Китая) и Вьетнама (страны, играющей ведущую роль в Новой Южной политике, как Россия в Новой Северной политике) с 2017 года, когда

были введены обе южнокорейские политики.

Как показано в таблице 2, небольшие южнокорейские ПИИ были направлены в Казахстан, Россию и Узбекистан (в среднем 0,023%, 0,17% и 0,04% всех южнокорейских вывозимых ПИИ соответственно) в 2017–2022 годах. В то же время за тот же период во Вьетнам было направлено в среднем 5,02% южнокорейских ПИИ. Это означает, что Новая Северная политика осуществлялась менее гладко, чем Новая Южная политика. Бразилия и Индия, имеющие худшие условия для ведения бизнеса (согласно рейтингу легкости ведения бизнеса Всемирного банка), получили больше южнокорейских ПИИ, чем Россия. В 2022 году общий объем ПИИ Южной Кореи в Россию составил 59,0 млн долларов США, а в Бразилию и Индию – 106,0 млн долларов США и 371,0 млн долларов США соответственно.

Более того, южнокорейские ПИИ в Бразилию продемонстрировали ту же картину, что и в России, поскольку 82% ПИИ были сосредоточены в

обрабатывающей промышленности. Однако в Бразилию было направлено больше ПИИ, чем в Россию, несмотря на большее географическое расстояние.

Таблица 2 - Сравнение южнокорейских ПИИ

Страна	2017		2018		2019		2020		2021		2022	
	млн долл. США	%										
Казахстан	7,0	0,02	15,0	0,03	24,0	0,04	16,0	0,03	11,0	0,01	3,0	0,004
Россия	82,0	0,2	95,0	0,2	99,0	0,2	105,0	0,18	130,0	0,17	59,0	0,07
Узбекистан	8,0	0,02	18,0	0,04	35,0	0,1	19,0	0,03	27,0	0,04	23,0	0,03
Вьетнам	1987,0	4,4	3342,0	6,5	4585,0	7,1	2939,0	5,06	2516,0	3,27	2828,0	3,5
Бразилия	460,0	1,0	394,0	0,8	222,0	0,3	272,0	0,47	654,0	0,85	106,0	0,1
Индия	516,0	1,2	1072,0	2,1	453,0	0,7	625,0	1,08	343,0	0,45	371,0	0,5
Китай	3213,0	7,2	4803,0	9,4	5809,0	9,0	5112,0	8,80	6731,0	8,8	8539,0	10,6

Источник: [5]

Это незначительные южнокорейские ПИИ в Россию по сравнению с Вьетнамом, Бразилией, Индией и Китаем, несмотря на выгодные факторы местоположения (размер рынка, условия ведения бизнеса и географическая удаленность), может быть частично объяснены существующей социальной предвзятостью. Поскольку Корея была разделена в течение 70 лет по идеологическим причинам, в социальной и политической сферах появилась заметная социальная патология (названная комплексом «красный синдром») [10]. Таким образом, низкий уровень южнокорейских ПИИ в России можно частично объяснить стереотипным представлением о стране на различных уровнях южнокорейского общества. Принятие решений по ПИИ имеет сильный иерархический компонент во всех странах, но особенно в Азии. Учитывая средний возраст крупных южнокорейских компаний, их образ России преимущественно восходит к эпохе Советского Союза, когда СССР полностью поддерживал Северную Корею. Эта основа подкрепляется освещением в СМИ российской деловой и социальной среды, которое фокусируется на коррупции, автократии и преступности или развивает информацию, предоставленную западными СМИ. В то время как более широкое исследование имиджа России среди топ-менеджеров в Южной Корее играет заметную роль в решениях о направлении ПИИ.

Интересно, что Китай и Вьетнам лишь незначительно подвержены комплексу «красного синдрома» по сравнению со странами СНГ. Хотя оба придерживаются коммунистической идеологии, последствия этого гораздо менее очевидны, поскольку они имеют общую азиатскую культуру с Южной Кореей и не связаны напрямую с социальным мышлением в Северной Корее. Китай принимает коммунистическую идеологию по чисто экономическим причинам, в то время как южнокорейцы обычно считают, что Вьетнам имеет довольно слабые позиции в международной экономике и политике. Эти соображения вместе с очевидными экономическими выгодами для Южной Кореи с учетом их географических факторов (размер рынка Китая и дешевая рабочая сила во Вьетнаме) оказывают явное влияние на объем ПИИ [11].

В нескольких эмпирических исследованиях [12, 13, 14] проанализированы мотивы вывоза ПИИ из Южной Кореи с 2000-х годов, когда политика правительства сместилась в сторону поощрения южнокорейских компаний к инвестированию за границу. В большинстве предыдущих исследований использовался панельный анализ данных с использованием отдельных групп штатов или стран. Для обзора этих эмпирических исследований мы классифицируем мотивы южнокорейских ПИИ за границу в соответствии с четырьмя типологиями: поиск рынка,

поиск ресурсов, поиск эффективности и поиск активов.

В исследованиях неизменно обнаруживается стремление южнокорейских зарубежных ПИИ к выходу на рынок. Исследование Lee [15], основанное на панельных данных о ПИИ южнокорейских производственных компаний за 1980–1996 гг., подтвердило разницу в мотивации южнокорейских ПИИ в развивающихся и развитых странах. Согласно результатам данного исследования, вывоз ПИИ Южной Кореи в развивающиеся страны направлен на перемещение производственных факторов в целях повышения эффективности, в то время как в развитых странах это в основном связано с расширением рынка. На В., Lee S. [16] утверждали, что основная цель южнокорейских ПИИ изменилась с продвижения экспорта на выход на местные рынки на основе анализа данных за 1990–2009 годы. Они продемонстрировали, что валовой внутренний продукт (ВВП) принимающей страны и объемы экспорта привлекают южнокорейские ПИИ. Kim E., Yu S. [11] исследовали детерминанты южнокорейских ПИИ в Китае в 1992–2008 гг., используя регрессию с фиксированными эффектами. Результаты подтвердили мотив поиска рынка (т.е. положительное влияние размера рынка). Результаты показали, что южнокорейские фирмы, как правило, инвестируют в китайские провинции с крупными рынками сбыта (поиск рынка сбыта) и высококачественной/недорогой рабочей силой (поиск эффективности труда). Кроме того, они продемонстрировали, что стремление к выходу на рынок перевешивает стремление к повышению эффективности труда.

Исследование [17], посвященное структуре южнокорейских прямых иностранных инвестиций во Вьетнам, продемонстрировало стремление к рынку и повышению эффективности, через такие мотивы, как изменения в политике, высокообразованная и недорогостоящая рабочая сила, экономический рост, развитая инфраструктура и налоговые льготы.

Выводы исследования Сутырина С.Ф. и Коргуна И.А. [18] показали, что

крупные южнокорейские компании инвестируют в отрасли с высокой добавленной стоимостью для поиска активов, в то время как экономическая эффективность в основном стимулируется иностранными инвестициями южнокорейских малых и средних предприятий.

Н. Kim и J. Joosung [19] исследовали мотивы вывоза ПИИ из Южной Кореи на основе данных за 1980–2000 годы и определили общие и различимые цели до и после корейского финансового кризиса. До финансового кризиса южнокорейские ПИИ ассоциировались с поиском рынка и активов, но впоследствии переключились и на поиск эффективности. Результаты также показали, что в посткризисный период возросло значение экономической дистанции (измеряемой объемом международной торговли) и институциональных факторов (инвестиционная открытость). Y. J. Seong и J.S. Jung [20] продемонстрировали, что цель южнокорейских инвестиций изменилась с поиска ресурсов на поиск знаний в своем исследовании.

Множество исследований выявило значение рыночных и производственных факторов. В одном из ранних исследований Ledyayeva [21] исследовала пространственные отношения притока ПИИ в Россию до и после финансового кризиса 1998 г. на основе данных за период с 1995 по 2005 г. Результаты исследования Rakhmatullayeva D., Khajiyeva, A., Abduraimov O. [22] показали, что крупные рынки, крупные города, качественная инфраструктура (морские порты), значительные природные ресурсы (нефть и газ), отсутствие политических и законодательных рисков являются положительными и важными факторами, определяющими ПИИ.

Аналогичные результаты были представлены и в других исследованиях стран СНГ. Kostyunina [23] исследовал ключевые факторы, определяющие ПИИ в страны Евразийского экономического союза, обнаружив положительное влияние размера рынка и официальной помощи в целях развития на ПИИ и отрицательное влияние инфляции. Kudina и Jakubiak [24] опросили 120 предприятий, чтобы определить факторы ПИИ в четырех странах СНГ (Украине, Молдове, Грузии и Кыргызстане) до

мирового финансового кризиса. Исследование показало, что рынок является доминирующим фактором ПИИ, в то время как фирмы также заинтересованы в использовании производственных факторов (включая природные ресурсы и труд). Akhmetzaki и Mukhamediyev [25] исследовали влияние евразийской интеграции на приток ПИИ за 1993–2015 годы в государствах-членах Евразийского экономического союза (Казахстан, Беларусь, Российская Федерация, Армения, Кыргызстан) и пяти других странах (Азербайджан, Таджикистан, Молдова, Грузия, Украина). Исследователи обнаружили, что ВВП, развитие инфраструктуры и охват средним образованием положительно влияют на приток ПИИ. И наоборот, таможенный союз оказывает негативное влияние на приток ПИИ.

Влияние факторов, связанных с институциональным качеством, дало смешанные результаты. Результаты исследования R.P. Pradhan et al. [26] показывают, что финансовое развитие и более высокий уровень институционального развития помогают богатым ресурсами странам в получении иностранной помощи в целях развития в долгосрочной перспективе. Kudina и Jakubiak [24] определили политическую нестабильность, нестабильную экономическую среду, неоднозначные правовые системы и коррупцию как препятствия для ПИИ.

Обсуждение и выводы

Из этого обзора литературы мы можем сделать следующие два вывода. Во-первых, южнокорейские ПИИ мотивированы расширением рынка независимо от принимающей страны и размера компании. Во-вторых, южнокорейские ПИИ демонстрируют четкие мотивы в зависимости от экономического положения принимающей страны. Инвестиции в развивающуюся страну направлены на повышение эффективности производства и транзакций, в то время как инвестиции южнокорейских конгломератов в развитую страну направлены на получение стратегических активов. Однако мы не должны упускать из виду, что Южная Корея добилась

беспрецедентного экономического роста, превратившись из развивающейся страны в развитую. Это означает, что южнокорейские ПИИ не следуют типичной модели других развитых стран.

Южнокорейские ПИИ были более активны в менее конкурентоспособных отраслях с низкой концентрацией капитала и низкой дифференциацией продукции [13]. Это подразумевает, что их ПИИ частично направлены на открытие менее конкурентоспособных зарубежных рынков и на то, чтобы избежать разделения преимуществ владения на следующие три типа [12]:

– «Тип 1: преимущества, которые не связаны с транснациональной формой, но являются преимуществами, которые любая фирма может иметь перед другой, производящей в том же месте»;

– «Тип 2: преимущества участия в транснациональном предприятии»;

– «Тип 3: преимущества, которые связаны именно с транснациональной формой».

Преимущества 1 и 2 типа по-прежнему существуют в родной стране.

Однако тип 3 существует, когда компания выходит на зарубежный рынок, используя факторы местоположения принимающей страны в процессе интернационализации. В этом смысле у большого количества прямых иностранных инвестиций южнокорейских компаний отсутствуют преимущества в отечественных условиях, но они создают преимущества за счет эффективного управления и стратегического использования факторов местоположения принимающей страны. По этой причине южнокорейские ПИИ рассматривают географические факторы принимающей страны, которые должны быть связаны с расширением рынка и снижением затрат.

Как отмечалось ранее, вывоз ПИИ из Южной Кореи в значительной степени определяется факторами местоположения принимающей страны, когда компании стремятся создать преимущества владения во время интернационализации. В нашем исследовании дополнительно изучаются факторы местоположения стран СНГ как принимающих ПИИ.

Таким образом, иностранных инвесторов в странах СНГ в основном

привлекают рыночные факторы (например, размер рынка, темпы роста на душу населения, крупные города). Хотя в некоторых исследованиях факторы природных ресурсов определяются как незначительные, некоторые авторы показали их положительную и значительную связь с ПИИ. В дополнение к рынкам и природным ресурсам, несколько исследований определили такие факторы, как инфраструктура, открытость и налоги, как важные. Однако связь между ПИИ в России и институциональным качеством, определяемым, например, уровнем коррупции, политической стабильностью и законодательными рисками, показывает смешанные результаты. Это свидетельствует о том, что значение экономических и природно-ресурсных факторов превалирует над институциональными и политическими факторами в России.

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, мы обнаружили, что основная цель южнокорейских ПИИ в Казахстане, России и Узбекистане стремление к рынку и поиску природных ресурсов, особенно первое. Южнокорейским ПИИ в этих трех странах положительно способствуют ВВП и инфляция, а отрицательно - разрыв ВВП на душу населения. Это означает, что не экономическая стабильность, а рынки и новые возможности для бизнеса являются преобладающими факторами, привлекающими южнокорейские ПИИ. Значение ВВП является преобладающим, особенно в России и Казахстане, внутренние рынки которых являются большими и привлекательными по сравнению с рынками других стран СНГ. В то время как обеспеченность природными ресурсами также значительно привлекает южнокорейские ПИИ, их влияние преобладает в Казахстане и Узбекистане, в то время как факторы, связанные с институциональным качеством (политические права и гражданские свободы), не влияют на южнокорейские ПИИ.

Во-вторых, южнокорейские ПИИ в странах СНГ не связаны с поиском эффективности (т.е. с использованием дешевой рабочей силы и ценности местной валюты), что противоречит

общепринятым выводам о южнокорейских ПИИ. Таким образом, снижение производственных затрат не является основной целью южнокорейских ПИИ в Казахстане, России и Узбекистане.

Наши эмпирические данные свидетельствуют о последствиях будущей политики, которые могли бы увеличить ПИИ Южной Кореи в Казахстане, России и Узбекистане как для правительств Южной Кореи, так и для правительств принимающих стран. Во-первых, правительства этих стран должны повысить привлекательность своих местных рынков. За исключением некоторых крупных городов (например, Москвы, Санкт-Петербурга, Астаны и Алматы, Ташкента), во многих городах имеются небольшие отделы региональных закупщиков. Таким образом, инвестиции, направленные на расширение рынка, такие как южнокорейские ПИИ, могут быть нацелены не только на регион выхода их бизнеса, но и на другие соседние регионы и страны (экспорт в третьи страны). Пространственное отношение является решающим фактором при принятии решения о размещении фирм [27]. Следовательно, Правительствам данных стран следует создать механизмы, облегчающие перемещение товаров между регионами и странами за счет упрощения процессов таможенного оформления и улучшения инфраструктуры дистрибуции. Для этого мы рекомендуем повысить эффективность системы таможенного оформления (например, унифицировать тарифные ставки и коды ТН ВЭД), сократить количество документов и проверок и автоматизировать процесс таможенного оформления. Мы также предлагаем создать межправительственный комитет для разработки совместных исследований и инвестиций в дорожную инфраструктуру для улучшения внутренних каналов распределения. С этой целью правительства принимающих стран должны упростить регулирование и снизить барьеры для входа в транспортную отрасль.

Во-вторых, правительству Южной Кореи необходимо разработать финансовые программы для поддержки инвестиций в природные ресурсы,

которые требуют значительных средств и сопряжены с высокими рисками по сравнению с инвестициями, ориентированными на рынок. Проект, требующий больших капиталовложений (например, в энергетическом секторе), может зависеть от государственных субсидий [28]. Кроме того, поскольку инвестиции в природные ресурсы тесно связаны с национальной энергетической и политической безопасностью, правительство Южной Кореи могло бы содействовать инвестициям для поиска природных ресурсов за счет расширения надежных поставщиков природных ресурсов и углубления экономического сотрудничества. Для этого необходимо внедрить различные пакеты финансовой

поддержки (например, создать межправительственные инвестиционные фонды и фонды совместных предприятий с многосторонними банками развития) и программы распределения рисков (например, гарантия минимального дохода, минимальная поддержка затрат и политика безопасности кредита).

Наконец, реализация политики по увеличению взаимных обменов в частном секторе может преодолеть комплекс «красного синдрома» в южнокорейском обществе и способствовать инвестициям в долгосрочной перспективе. Для этого южнокорейские компании и компании из стран СНГ могли бы разработать взаимные программы стажировок, чтобы стимулировать непрерывный обмен.

Список литературы

1. Duarte, L.D.R.V., Kedong, Y., Xuemei, L. The relationship between FDI, economic growth and financial development in Cabo Verde [Text] / L.D.R.V. Duarte, Y. Kedong, L. Xuemei // International Journal of Economics and Finance. - 2017. - 9 (5). - P. 132–142.
2. Zhappassova, R., Yeraliyeva, Y., Kudaibergenova, L., Sarbassov, M. K., Uralova, A., Tuzubekova, M., & Zayed, N. M. State and Development of Integration Cooperation between Kazakhstan and Foreign Countries: Trade, Economic, And Investment Aspects [Text] / R. Zhappassova, Y. Yeraliyeva, L. Kudaibergenova, M. K. Sarbassov, A. Uralova, M. Tuzubekova, & N. M. Zayed // Academy of Strategic Management Journal. – 2021.- 20.- P. 1-6.
3. Султанханова Г.Т., Абдулла Ж.Б. Сыртқы сауда және тікелей шетелдік инвестициялардың Қазақстанның экономикалық өсуіне әсер ету деңгейін талдау. [Текст] / Г.Т. Султанханова, Ж.Б. Абдулла // Economics: the strategy and practice.- 2022.- 17(4).-Б.185-200.
4. ЮНКТАД. Доклад о мировых инвестициях. - 2022. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_overview_ru.pdf (Дата обращения: 22.07.2023).
5. The Export-Import Bank of Korea. – 2023.- URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/main.do#> (Дата обращения: 15.07.2023).
6. Асмолов К.В. Южная Корея между США и КНР [Текст] / К.В. Асмолов //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021.- 26 (26). - С. 227-241.
7. Хан А.А. Политика Республики Корея по привлечению прямых иностранных инвестиций: особенности развития и факторы трансформации. / А.А. Хан // Казанский вестник молодых учёных. – 2020.- №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-respubliki-koreya-po-privlecheniyu-pryamyh-inostrannyh-investitsiy-osobennosti-razvitiya-i-factory-transformatsii> (дата обращения: 30.07.2023).
8. Буланаква М.А. Евразийский вектор внешней политики Республики Корея: фактор Центральной Азии [Текст] / М.А. Буланаква // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. - 14(4). – С.70-87.
9. Кукла М.П., Мядзель В.С. Проблемы и перспективы бизнес-диалога «Россия - Республика Корея»: заметки с полей в ВЭФ. / М.П. Кукла, В.С. Мядзель //Известия Восточного института. – 2019. -№3 (43). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-biznes-dialoga-rossiya-respublika-koreya-zametki-s-poley-v-vef> (Дата обращения: 25.07.2023).
10. Kim S. Overcoming Ideological Conflict and Seeking Peaceful Coexistence Discourse [Text] / S. Kim // The Journal of Peace Studies. – 2017. - 18 (4). – P. 77–95.
11. Kim E., Yu S. An Analysis on the Determinants of Korea's FDI Location Choice in China [Text] / E. Kim, S. Yu // Journal of Korea Research Association of International Commerce. – 2019. - 19 (1). - P. 1–28.
12. Eden L., Dai L. Rethinking the O in Dunning's OLI/eclectic paradigm. [Text] / L. Eden, L. Dai // Multinational Business Review. – 2010. - 18 (1). - P. 13–34.
13. Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация [Текст] / И.С. Целищев // М.: ИМЭМО РАН. - 2012. - с. 118.
14. Ким Г.Н. Казахстан - Южная Корея: по пути стратегического партнерства [Текст]:

монография. / Г.Н. Ким - В двух книгах. Книга 1. Этапы партнерства и сотрудничества. - Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. - 2012. - 392 с.

15. Lee H. The destination of outward FDI and the performance of South Korean multinationals [Text] / H. Lee // *Emerging Markets Finance and Trade*. – 2010. - 46 (3). - P. 59–66.

16. Ha B., Lee S. The Structure and Determinants of Outward Foreign Direct Investment of Korea [Text] / B. Ha, S. Lee // *Legislation and Policy Studies*. – 2011. - 3 (2). - P. 75–98.

17. Oh J. H., Mah J. S. The patterns of Korea's foreign direct investment in Vietnam [Text] / J. H. Oh, J. S. Mah // *Open Journal of Business and Management*. – 2017. – Vol. 5. – № 2. – P. 253–271.

18. Сутырин С.Ф., Коргун И.А. Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России? [Текст] / Сутырин С.Ф., Коргун И.А. // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021. - Т. 14. - № 2. – С.176–194.

19. Kim H., Joosung J. The Determinants of Korean Direct Investment Abroad: Evidence from Country-Industry Panel Data [Text] / H. Kim, J. Joosung // *Journal of International Trade and Industry Studies*. – 2018. – Vol. 23. – №. 3. – P. 65-92.

20. Seong Y. J., Jung J. S. Determinants of Korean firm's outward foreign direct investment: Based on empirical test by TPP countries [Text] / Y.J. Seong, J.S. Jung // *International business review*. – 2017. – Vol. 21. – №. 1. – P. 49-68.

21. Ledyeva S. Spatial econometric analysis of foreign direct investment determinants in Russian regions [Text] / S. Ledyeva // *World Economy*. – 2009. – Vol. 32. – №. 4. – P. 643-666.

22. Rakhmatullayeva D., Khajiyeva, A., Abduraimov O. Foreign direct investment in Kazakhstan: a success story over the years of independence of the republic [Text] / D. Rakhmatullayeva, A. Khajiyeva, O. Abduraimov // *Central Asian Journal of Social Sciences and Humanities*. – 2021. - Vol 7. - No 4. - P. 4-15.

23. Kostyunina G.M. Foreign direct investments in the EAEU [Text] / G.M. Kostyunina // *The economic dimension of Eurasian integration*. – 2021. – P. 67-91.

24. Kudina A. et al. The Motives and Impediments to FDI in the CIS [Text] / A. Kudina, A. Kudina, M. Jakubiak, M. Jakubiak // *EU Eastern Neighborhood: Economic Potential and Future Development*. – Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. - 2011. – P. 71-82.

25. Akhmetzaki Y.Z., Mukhamediyev B.M. FDI Determinants in the Eurasian Economic Union Countries and Eurasian Economic Integration Effect on FDI Inflows [Text] / Y.Z. Akhmetzaki, B.M. Mukhamediyev // *Economy of Region*. – 2017. - 13 (3). – P. 959–970.

26. Pradhan R. P. et al. Does foreign aid procurement in resource-rich countries depend on these countries' financial development and institutional quality? Evidence from PVECM and quantile-on-quantile regression [Text] / R.P. Pradhan, S.E. Bennett, M.S. Nair, M.B. Arvin // *Socio-Economic Planning Sciences*. – 2023. – P. 101649.

27. Cao Y.N. Modelling firm relocation decision behavior in the Tokyo metropolitan region, through discrete choice theory [Text] / Y.N. Cao // *Regional Statistics*. – 2021. - 11 (1). - P.147–166.

28. Lados M., Somossy E.S., Toth T. Financial subsidies and the location decision of solar power plants in Hungary: An empirical investigation [Text] / M. Lados, E.S. Somossy, T. Toth // *Regional Statistics*. – 2020. - 10 (2). - P. 166–185.

References

1. Duarte, L.D.R.V., Kedong, Y., Xuemei, L. The relationship between FDI, economic growth and financial development in Cabo Verde. [Text] / L.D.R.V. Duarte, Y. Kedong, L. Xuemei // *International Journal of Economics and Finance*. - 2017. - 9 (5). - C. 132–142. <https://doi.org/10.5539/ijef.v9n5p132>

2. Zhappassova, R., Yeraliyeva, Y., Kudaibergenova, L., Sarbassov, M. K., Uralova, A., Tuzubekova, M., & Zayed, N. M. State and Development of Integration Cooperation between Kazakhstan and Foreign Countries: Trade, Economic, And Investment Aspects. [Text] / R. Zhappassova, Y. Yeraliyeva, L. Kudaibergenova, M. K. Sarbassov, A. Uralova, M. Tuzubekova, & N. M. Zayed // *Academy of Strategic Management Journal*. – 2021.- 20.- C. 1-6.

3. Sultanhanova G.T., Abdulla J.B. Syrtqy sauda jäne tikelei şeteldik investisialardyń Qazaqstannyń ekonomikalq ósuıne äser etu deńgeiin taldau. [Text] / G.T. Sultanhanova, J.B. Abdulla // *Economics: the strategy and practice*. -2022. - 17(4).- B.185-200. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2022-4-185-200>

4. JuNKTAD. Doklad o mirovyh investiciyah.- 2022.- URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_overview_ru.pdf (Date of access: 22.07.2023).

5. The Export-Import Bank of Korea. – 2023.- URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/main.do#> (Data obrashhenija: 15.07.2023).

6. Asmolov K.V. Juzhnaja Koreja mezhdu SShA i KNR. [Text] / K.V. Asmolov // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. – 2021.- 26 (26). – S.227-241.

7. Han A.A. Politika Respubliki Koreja po privilecheniju prjamyh inostrannyh investicij: osobennosti razvitiya i faktory transformacii. / A.A. Han // *Kazanskij vestnik molodyh uchjonyh*. – 2020.- №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-respubliki-koreya-po-privlecheniyu-prjamyh-inostrannyh-investitsiy-osobennosti-razvitiya-i-faktory-transformatsii> (Date of access: 30.07.2023).

8. Bulanakova M.A. Evrazijskij vektor vneshnej politiki Respubliki Koreja: faktor Central'noj Azii [Text] / M.A. Bulanakova // Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika. – 2020. - 14(4). – S.70-87.
9. Kukla M.P., Mjadzel' V.S. Problemy i perspektivy biznes-dialoga «Rossija - Respublika Koreja»: zametki s polej v VJeF. / M.P. Kukla, V.S. Mjadzel' //Izvestija Vostochnogo instituta. – 2019. -№3 (43). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-biznes-dialoga-rossiya-respublika-koreya-zametki-s-poley-v-vef> (Date of access: 25.07.2023).
10. Kim S. Overcoming Ideological Conflict and Seeking Peaceful Coexistence Discourse. [Text] / S. Kim // The Journal of Peace Studies. – 2017. - 18 (4). – P. 77–95.
11. Kim E., Yu S. An Analysis on the Determinants of Korea's FDI Location Choice in China. [Text] / E. Kim, S. Yu // Journal of Korea Research Association of International Commerce. – 2019. - 19 (1). - P. 1–28.
12. Eden L., Dai L. Rethinking the O in Dunning's OLI/eclectic paradigm. [Text] / L. Eden, L. Dai // Multinational Business Review. – 2010. - 18 (1). - P. 13–34.
13. Celishhev I.S. Vostochnaja Azija: novaja volna rosta i strukturnaja transformacija [Text] / I.S. Celishhev // M.: IMJeMO RAN. - 2012. - s. 118.
14. Kim G.N. Kazahstan - Juzhnaja Koreja: po puti strategicheskogo partnerstva [Tekst]: monografija. / G.N. Kim - V dvuh knigah. Kniga 1. Jetapy partnerstva i sotrudnichestva. - Almaty: Kazhastanskij institut strategicheskix issledovanij pri Prezidente RK. - 2012. - 392 c.
15. Lee H. The destination of outward FDI and the performance of South Korean multinationals. [Text] / H. Lee // Emerging Markets Finance and Trade. – 2010. - 46 (3). - P. 59–66.
16. Ha B., Lee S. The Structure and Determinants of Outward Foreign Direct Investment of Korea [Text] / B. Ha, S. Lee // Legislation and Policy Studies. – 2011. - 3 (2). - P. 75–98.
17. Oh J. H., Mah J. S. The patterns of Korea's foreign direct investment in Vietnam [Text] / J. H. Oh, J. S. Mah //Open Journal of Business and Management. – 2017. – Vol. 5. – № 2. – P. 253-271.
18. Sutyryn S.F., Korgun I.A. Naskol'ko specifichny juzhnokorejskie investicii v jekonomiku Rossii? [Tekst] / Sutyryn S.F., Korgun I.A. // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. – 2021. - T. 14. - No 2. – C.176–194.
19. Kim H., Joosung J. The Determinants of Korean Direct Investment Abroad: Evidence from Country-Industry Panel Data [Text] / H. Kim, J. Joosung //Journal of International Trade and Industry Studies. – 2018. – Vol. 23. – №. 3. – P. 65-92.
20. Seong Y. J., Jung J. S. Determinants of Korean firm's outward foreign direct investment: Based on empirical test by TPP countries [Text] / Y.J. Seong, J.S. Jung// International business review. – 2017. – Vol. 21. – №. 1. – P. 49-68
21. Ledyayeva S. Spatial econometric analysis of foreign direct investment determinants in Russian regions [Text] / S. Ledyayeva //World Economy. – 2009. – Vol. 32. – №. 4. – P. 643-666.
22. Rakhmatullayeva D., Khajiyeva, A., Abduraimov O. Foreign direct investment in Kazakhstan: a success story over the years of independence of the republic [Text] / D. Rakhmatullayeva, A. Khajiyeva, O. Abduraimov // Central Asian Journal of Social Sciences and Humanities. – 2021. - Vol 7. - No 4. - P. 4-15.
23. Kostyunina G.M. Foreign direct investments in the EAEU [Text] / G.M. Kostyunina// The economic dimension of Eurasian integration. – 2021. – P. 67-91.
24. Kudina A. et al. The Motives and Impediments to FDI in the CIS [Text] / A. Kudina, A. Kudina, M. Jakubiak, M. Jakubiak //EU Eastern Neighborhood: Economic Potential and Future Development. – Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. - 2011. – P. 71-82.
25. Akhmetzaki Y.Z., Mukhamediyev B.M. FDI Determinants in the Eurasian Economic Union Countries and Eurasian Economic Integration Effect on FDI Inflows [Text] / Y.Z. Akhmetzaki, B.M. Mukhamediyev // Economy of Region. – 2017. - 13 (3). – P. 959–970.
26. Pradhan R. P. et al. Does foreign aid procurement in resource-rich countries depend on these countries' financial development and institutional quality? Evidence from PVECM and quantile-on-quantile regression [Text] / R.P. Pradhan, S.E. Bennett, M.S. Nair, M.B. Arvin //Socio-Economic Planning Sciences. – 2023. – P. 101649.
27. Cao Y.N. Modelling firm relocation decision behavior in the Tokyo metropolitan region, through discrete choice theory [Text] / Y.N. Cao // Regional Statistics. – 2021. - 11 (1). - P.147–166.
28. Lados M., Somossy E.S., Toth T. Financial subsidies and the location decision of solar power plants in Hungary: An empirical investigation [Text] / M. Lados, E.S. Somossy, T. Toth // Regional Statistics. – 2020. - 10 (2). - P. 166–185.

ОҢТҮСТІК КОРЕЯНЫҢ ТІКЕЛЕЙ ШЕТЕЛДІК ИНВЕСТИЦИЯЛАРЫН ТӘУЕЛСІЗ МЕМЛЕКЕТТЕР ДОСТАСТЫҒЫ ЕЛДЕРІНЕ ОРНАЛАСТЫРУ ФАКТОРЛАРЫ

Нұржан ДЕМЕУОВ, докторант, "Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті" ҚЕАҚ, Астана, Қазақстан, nurzhan.demeuov.98@bk.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8189-8841>
Ajay Kumar PATNAIK, Джавахарлал Неру университетінің профессоры, Нью-Дели, Үндістан, patnaik.ajay@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0651-5457>, Scopus Author ID:

56173847400

Ардақ ЕСДАУЛЕТОВА, тарих ғылымдарының докторы, “Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті” КЕАҚ халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры, Астана, Қазақстан, esdauetova_am@enu.kz, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4323-0669>, Scopus Author ID: 56100369900

FACTORS IN PLACING SOUTH KOREAN FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Nurzhan DEMEUOV, PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, 2 Satbayeva str., Kazakhstan, nurzhan.demeuov.98@bk.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8189-8841>

Ajay Kumar PATNAIK, Professor, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India, patnaik.ajay@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0651-5457>, Scopus Author ID: 56173847400

Ardak YESDAULETOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, esdauetova_am@enu.kz, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4323-0669>, Scopus Author ID: 56100369900